

Л. И. САРАСКИНА

**Фантом раскаяния Родиона Раскольникова
в современных адаптациях романа
Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»**

Среди множества упоминаний в Священном Писании слова «раскаяние», в связи с заявленной темой доклада имеет смысл процитировать самое из них существенное — то, когда раскаивается сам Господь.

«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время.

И *раскаялся* Господь, что создал человека на земле и восскорбел в сердце Своем.

И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скота, и гадов и птиц небесных, ибо Я *раскаялся*, что создал их» (Быт 6: 5–7).

Среди различных толкований этих строк из книги Бытия встречается недоверие к качеству перевода — точно ли речь идет о Божественном раскаянии, правильно ли употреблен термин. Однако именно так звучит это место в двуязычной Иерусалимской Библии, где перевод на современный английский язык с древнееврейского оригинала отражает понимание данного текста современным иудаизмом. В Библии «Короля Джеймса» (начало XVII века), то есть в классической англоязычной версии Библии, также стоит глагол прошедшего времени *repented* (раскаялся).

Нечто вроде раскаяния звучит и в другом отрывке из книги Бытия:

«И сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал...» (Быт 8: 21).

Это Божественное «не буду больше» уточняет понимание Божественного раскаяния как особого способа *изменения неизменяемого, высшего выражения мысли о крайнем Божественном сожалении*. Смысл раскаяния, таким образом, — в беспредельном сожалении, даже сердечном рыдании и скорби от невозможности что-либо поправить.

Отрекался и раскаивался «в прахе и пепле» многострадальный праведник Иов (Иов 42: 6) — *отрекался* от прежних узких убеждений и былой праведности, *раскаивался* в том, что в ропоте своем не понимал плана Господа.

Грешники, как об этом пишет Откровение Иоанна Богослова, ведут себя иначе: «*И не раскаялись* они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем» (Откр 9: 20–21). То есть по-прежнему «мысли и помышления сердца их были зло во всякое время».

Обратимся к «Преступлению и наказанию». Этот роман часто называют главной книгой русской литературы, основополагающим текстом русской истории, в котором нет ничего случайного и произвольного. Если относиться к «Преступлению и наказанию» именно так, трудно не увидеть центральное послание, которое содержится в романе, — о судьбе Родиона Раскольникова.

Известно, что замысел романа — о том, как студент решается убить и ограбить никчемную старуху, поправить тем свои семейные дела, после чего закончить университет, уехать за границу и всю жизнь быть честным человеком — этот замысел включал еще и мысль, что убийца с развитым сознанием непременно раскается и примет муки, «чтоб искупить свое дело»; и тогда «Божия правда, земной закон» возьмут свое (Достоевский, т. 28/2; 137).

Нет оснований сомневаться в высоком намерении Достоевского дать Родиону Романовичу шанс возродиться — другое дело, удалось ли автору, метафорически говоря, вынуть из руки героя топор и вложить в нее крест. Мне кажется, не удалось — и не потому, что случилась художественная неудача, а потому, что автор был исключительно честным художником: вменить убийце, пролившему «кровь по совести», библейское чувство огромного сожаления о содеянном было против правды и земного закона.

Глагол «каяться», общеславянского распространения, имеющий индоевропейские корни, в возвратной форме приобрел смысл «осуждать себя», «сожалеть о содеянном», «сознавать вину». Слова «каяться» и «казнить себя» имеют общее древнее происхождение.

Казнит ли себя Раскольников за содеянное? Никак нет, никогда на протяжении всего повествования.

Накануне признания Раскольников кричит сестре «в каком-то внезапном бешенстве»: «*Преступление? Какое преступление?..* то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление? *Не думаю я о нем и смывать его не думаю...* Только теперь вижу ясно всю нелепость моего малодушия, теперь, как уж решился идти на этот ненужный стыд!.. Почему

лупить в людей бомбами, правильною осадой, более почтенная форма?.. *Никогда, никогда яснее не сознавал я этого, как теперь, и более чем когда-нибудь не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!.. Если бы мне удалось, то меня бы увенчали, а теперь в капкан!*» (6; 400).

На суде Раскольников ведет себя нарочито, с «грубой точностью», отвечая, что явиться с повинною его побудило «чистосердечное раскаяние». «Все это было почти уже грубо...» — замечает автор, не веря браве подсудимого, видя в ней издевку над судебным процессом. И только недалекие судейские чиновники могли предположить, что у преступника, который не воспользовался ограбленным, пробудилось раскаяние, а может быть, проявилось и «*несовершенно здоровое состояние умственных способностей во время совершения преступления*».

И еще через полтора года, уже на каторге, он стыдится только того, что погиб «так слепо, безнадежно, глухо и глупо» (6; 417); его ожесточенная совесть не находит никакой особенно ужасной вины в происшедшем, кроме разве простого промаха. «И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. *Но он не раскаивался в своем преступлении*» (6; 417).

Он не раскаивался даже «для протокола», он признавал вину только в том, что не вынес своего шага, хотя ведь и заранее знал, что не вынесет. Он страдал от мысли, зачем после всего не убил себя, как Свидригайлов.

Даже и на последней странице романа, когда как будто «уже сияла заря обновленного будущего» (6; 421), «всё, даже преступление его, даже приговор и ссылка, казались ему теперь, в первом порыве, каким-то внешним, странным, как бы даже и не с ним случившимся фактом» (6; 422). Даже и как будто воскресший для любви к Соне, Раскольников не способен горько сожалеть о преступлении, не готов казнить себя, но готов простить себя; раскаяние для него недостижимо даже в фантомном усилии.

В пространстве романа «Божия правда и земной закон» сознанием Раскольникова не овладели и «свое не взяли», обещанная же история про великий подвиг тоже никогда не была написана. Раскольников романа — убийца, и это пожизненное клеймо. Кроме того, мы видели, каким на пути «протокольной» явки с повинной он бывал высокомерным и заносчивым; как всех поучал, как готовился к боям с Порфирием, хитрил с Разумихиным, «всем дышлом въезжал в добродетель» (6; 370) перед Свидригайловым. Как говорит всё угадавший про Раскольникова Порфирий Петрович, «убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит» (6; 348).

И главное. Нет у Достоевского великих грешников, которые возродились и всё себе простили. Вспомним муки «таинственного посетителя» из рассказа Зосимы: «Пошли дети: “Как я смею любить, учить и воспитать их, как буду про добродетель им говорить: я кровь пролил”. Дети растут прекрасные, хочется их ласкать: “А я не могу смотреть на их невинные, ясные лики; недостойн того”. Наконец начала ему грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы... кровь, вопиющая об отмщении. Стал он видеть ужасные сны» (14; 279).

Вот будущее Родиона в том случае, если совесть его напомнит о себе и он потеряет покой и уверенность в своей правоте.

Убийство, даже и при раскаянии, и при наказании, необратимо — убитых не вернуть назад. Жертвы вычеркнуты из сознания Раскольникова: «старушонка вздор» (6; 211), о ней нет сожаления, к ней нет сострадания. Родя не видит в ней человека, а только принцип — и люто ненавидит ее (6; 211). «Кажется, бы другой раз убил, если б очнулась!» И во сне он снова убивает ее, ударяя по темени раз и другой, а потом бешено колотит, изо всей силы (6; 213). И почти не думает о Лизавете, «точно и не убивал» (6; 212). И физически не выносит мать и сестру (6; 212). И мечтает убить Порфирия или Свидригайлова, чувствует, что в состоянии это сделать (6; 342).

Раскольников, пытаясь объяснить Соне свое «предприятие», пытается вызвать сочувствие к себе: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...» (6; 322).

Но старушонку убил именно он, и именно убил. И Лизавету (про которую вовсе не помнит) убил тоже он. Но не в его привычках думать об убитых им людях, *он себе важнее, чем убитые* — и это главная улика его преступления, это — почерк убийства, это судьба убийцы, который не помнит своих жертв, не сожалеет о них, не молится о них. Раскольников прав только в одном — *что он ухлопал себя навеки*, и в какой-то миг ему дано осознать свою вечную погибель.

Надежда на искреннее раскаяние Раскольникова скорее характеризует Достоевского-христианина, чем его героя, отставного студента пусть и с высшими понятиями, но убившего свою душу и погубившего мать.

Достоевский-христианин знал про кающихся убийц и их статус перед Богом, кажется, все. Поэтому как художник он так и не смог переступить через кровь Раскольникова и сочинить вдохновенную историю о спасенном и воскресшем для земной жизни преступнике, не захотел поставить читателя перед выбором — познать добро, любовь и веру через зло, падение и грех. История постепенного обновления человека, обещанная Достоевским в конце романа, не случилась: через три года был написан «Идиот», где жестокое и безжалостное убийство

уже не нуждается в теории, а еще через три года — роман «Бесы», с его тринадцатью жертвами и цинизмом убийцы.

Судейские чиновники, изучив дело, недоумевали: «Раскольников не совсем похож на обыкновенного убийцу, разбойника и грабителя... тут что-то другое» (6; 411).

Что же это — что-то другое?

А то, что путь Раскольниковых в XX веке пошел не в сторону личного воскресения, а в сторону массового террора. У Раскольникова было разрешение «по совести» всего лишь на одно убийство, которое в один момент увеличилось вдвое (а может, и втрое, если Лизавета была беременна), а сорви случившийся здесь Кох дверной запор, так увеличилось бы и вчетверо. Убийство — занятие заразное, оно затягивает, как наркотик, оно опасно для души убийцы даже больше, чем для жертвы.

Раскольников цепко держится за свою «теорию», оправдывает злодеяние, видя в нем едва ли не доброе дело. Московский студент А. М. Данилов, который в январе 1866 года убил и ограбил ростовщика и его служанку, был красивым салонным франтом вообще без всяких рефлексий и без теории. Достоевский же гордился тем, что своим романом предвосхитил реальные явления. «Мы нашим идеализмом пророчили даже факты» (28/2; 329), — писал он А. Н. Майкову: при этом идеализм относился к образу Раскольникова, который все же волновался по поводу содеянного, а факты относились к студенту Данилову, который этих волнений был начисто лишен. Дело студента Данилова показало к тому же, что случай Раскольникова вовсе не одиночный и не исключительный, как об этом писала тогдашняя революционно-демократическая пресса: делу Раскольникова предстояло стать типическим, массовым явлением.

Спустя почти столетие, в ноябре 1960-го, Анна Ахматова говорила Лидии Чуковской: «Толстой и Достоевский верили, что мир можно исправить, что можно исправить людей. А мы уже не в силах верить. Достоевский знал, что убийца теряет способность жить. Раскольников, отняв жизнь у старухи и Лизаветы, сам лишился способности жить. Он не живет, он даже не ест, он только иногда бросается на кровать и спит одетый. А наши современники? Убивали — и жили всласть. Им это было нипочем. Вернутся домой утром — служба-то ночная, утомительная — вот и хочется, чтобы жена в новом халате, дочка с бантом в волосах... Они могут жить» [Чуковская, 1997: 442].

Роман «Преступление и наказание» именно об этом, и преступление студента Данилова, случившееся в те самые дни, когда рукопись романа Достоевского лежала в редакции «Русского вестника», тоже об этом. Революционеры, люди идейные, с обостренным чувством справедливости, которые шли на убийства по велению совести, так же,

как Раскольников, не слишком мучились сожалениями и не казнили себя, ибо действовали согласно политической целесообразности.

«Их воскресила любовь» (6; 421), — сказано в эпилоге романа о Раскольникове и Соне. Но воскрешает ли преступника любовь к женщине до такой степени, чтобы направить его на путь подлинного, глубокого раскаяния? Ни Сергея Нечаева, влюбленного в дочь Герцена Тату и усиленно добивавшегося ее благосклонности, ни Андрея Желябова, нежно любившего свою гражданскую жену террористку Софью Перовскую (их отношения называли «романом-на-крови»), ни любвеобильного и трижды женатого фанатика террора Бориса Савинкова, ни многих других, проливавших «кровь по совести», любовь к женщинам не воскрешала, они не отказывались от терактов, тщательно планировали убийства и цареубийства, порой вместе со своими возлюбленными, считали свои злодеяния подвигами и умирали на эшафотах *несломленными*. *Отечественная история показывает, что бомбист гораздо успешнее вовлекал любимую женщину в свое дело, чем любимая женщина отвлекала бомбиста от его преступного намерения.*

«Раскольников, убивая старушку, совершает парадигматический жест, осуществляет Дело, к которому архетипически сводится Праксис, как его понимает марксизм, — пишет современный философ. — Дело Родиона Раскольникова — это акт русской Революции, резюме всех социал-демократических, народнических и большевистских текстов. Это фундаментальный жест русской истории, который лишь развертывался во времени после Достоевского, уготовляясь задолго до него, в загадочных первоузлах национальной судьбы. Вся наша история делится на две части — до убийства Раскольниковым старухи-процентщицы и после убийства. Но будучи мгновением призрачным, сверхвременным, оно отбрасывает свои сполохи вперед и назад во время. Оно проглядывает в крестьянских бунтах, в ересях, в восстании Пугачева, Разина, в церковном расколе, в смуте, во всей стихии, сложной, многоплановой, насыщенной метафизикой Русского Убийства, которая растянулась от глубин славянских первородов до красного террора и ГУЛАГа. Всякая занесенная над черепом жертвы рука была движима страстным, темным, глубоким порывом. Это было соучастие в Общем Деле, в его философии» [Дугин].

Герой романа Достоевского полон презрения к древней заповеди «Не убий», он ее решительно отвергает, провозглашая революционный принцип «крови по совести». «Родион заносит две руки, два угловатых знака, два сплетения сухожилий, две руны над зимним ссохшимся черепом Капитала. В его руках грубый, непристойно грубый, аляповатый предмет. Этим предметом совершается центральный ритуал русской истории, русской тайны. Призрак объективируется, мгновение выпадает из ткани земного времени. (Гёте немедленно сошел бы с ума,

увидев, какое мгновение на самом деле остановилось...) Две теологии, два завета, два откровения сходятся в волшебной точке. Эта точка абсолютна. Имя ее Топор» (Там же).

В современных философских интерпретациях Раскольников предстает как эпический герой, принесший в Россию новое слово и новое знамя. Он раскалывает голову капиталистической старухе, которая есть паук, плетущий сеть процентного рабства. Раскольников несет топор Свободы и Новой Зари.

Прочитую одно из наиболее радикальных высказываний: «Роман должен был бы закончиться триумфально, полным оправданием Родиона; преступление Раскольникова является наказанием для процентщицы. Объявлена эра Топора и пролетарской Революции. Но ...В дело вступили дополнительные силы. Особенно коварным оказался следователь Порфирий. Этот представитель кафкианской юриспруденции и фарисействующий псевдогуманист начинает сложную интригу по дискредитации героя и его жеста в его собственных глазах. Порфирий подло подтасовывает факты и заводит Раскольникова в лабиринт сомнений, переживаний, душевных терзаний. Он не просто стремится засадить Родиона, но ищет подавить его духовно. С этой сволочью надо было бы поступить так же, как со старухой. “Проломи голову змею”. Но силы оставили героя...» (Там же).

День сегодняшней трактуется философами-радикалами как эпоха выродившейся Революции, как время гуманистического фарисейского слюнтяйства. «Порфирии проникли в партию и подточили основы эсхатологического царства советской страны. Отказались от перманентной революции, потом от чисток, потом Соня в лице позднесоветской интеллигенции опять заняла о своем глупейшем “не убий”» (Там же).

Адаптируя пророческий роман Достоевского к современным реалиям, интерпретаторы изыскивают виртуальную версию «Преступления и наказания», с совершенно иным концом. И там будто бы речь идет о России Кюнца Времени, о стране, где убийцы не каются, не казнят себя, не сожалеют о своих преступлениях, пытаются выдать их за доблесть и геройство.

Впрочем, «Преступление и наказание» — это роман не только о России. В июне 2011 года норвежец Андерс Беринг Брейвик 32-х лет за несколько часов убил 77 человек: сначала заложил бомбу в автомобиль в правительственном квартале Осло (погибло 8 человек), а потом отправился на остров Утойя, где во имя борьбы за чистоту расы лишил жизни шестьдесят девять студентов. Брейвик имел высшее образование, был членом норвежской масонской ложи «Святой Олаф», членом секретной организации «рыцарей-тамплиеров». Накануне теракта опубликовал «Декларацию независимости Европы-2083», направленную против мультикультурализма, и разослал ее в тысячу адресов.

Брейвик признался в убийствах, но отказался считать их преступлением. Он назвал свои действия ужасными, но необходимыми и категорически потребовал признать его вменяемым. Он не только не каялся и не казнил себя, но, находясь в трехкомнатной камере с телевизором, тренажерами, видеоиграми, книгами и газетами, подал в суд на норвежское государство за негуманное отношение к себе: «садисты», дескать, подают ему холодный кофе, еду, разогретую в микроволновке, часто досматривают, не разрешают общаться с другими заключенными. Этот суд Брейвик выиграл. Норвегию стали называть раем для маньяков. Надо полагать, норвежские судейские тоже решили, что Брейвик не похож на обыкновенного убийцу и *тут что-то другое*.

Спустя пятнадцать месяцев, осенью 2012 года, в Москве появился мужчина 29 лет, которого назовут «русским Брейвиком» и который тоже, прежде чем расстрелять семерых коллег по фармацевтической компании, опубликовал в социальной сети «ВКонтакте» текст, названный им «Мой манифест». «Я ненавижу человеческое общество и мне противно быть его частью! Я ненавижу бессмысленность человеческой жизни! Я ненавижу саму эту жизнь! Я вижу только один способ ее оправдать: уничтожить как можно больше частиц человеческого компоста. Это единственно правильное и стоящее из всего того, что каждый из нас может сделать в своей жизни, это единственный способ ее оправдать, это единственный способ сделать мир лучше... Поймите, что вы здесь лишние, вы — генетический мусор, которого здесь быть не должно, мусор, который возник случайно, в результате ошибки в эволюции, мусор, который должен быть уничтожен» [Виноградов, 2012].

За сутки на страницу Виноградова подписались более 1300 человек, а текст о ненависти к человечеству получил почти пять тысяч «лайков». Психиатр-криминалист, общавшийся с киллером, утверждал, что тот давно вынашивал идеи, похожие на те, что вынашивал Раскольников, идеи, созвучные тем, что Брейвик вынашивал в Европе. Школьные учителя Виноградова рассказывали, как он любил природу, как спасал птиц, пострадавших от разлива нефти, как писал гениальные сочинения об экологии и окружающем мире, которые они читали со слезами на глазах.

Достоевский много раз повторял: хочешь переделать мир — начни с себя. Кажется, самое время переиначить формулу: хочешь уничтожить ненавистный мир, — смело начинай с себя. Признай, что ты подлое насекомое, заяви своеволие и освободи от своего присутствия мир — как это сделали Свидригайлов, Кириллов и Ставрогин. Герой-бунтарь, возвращающий Богу билет на проживание в этом заблудшем мире, мог бы сказать себе с подобающим отчаянием: я — здесь лишний, я — генетический мусор, который возник случайно, в результате ошибки в эволюции, и потому должен быть сметен с лица земли. Вместо этого

он говорит миру — *вы* здесь лишние, *вы* — генетический мусор. Про себя как частицу мусора он почему-то трусливо и малодушно забывает...

Схема крови по убеждению всегда одна и та же: сначала «теория» — манифест или декларация, потом акт, потом самооправдания и самореклама.

Осужденный к пожизненному заключению «московский стрелок», признанный вменяемым, отбывает заключение в колонии особого режима для пожизненно осужденных в городе Соликамск Пермского края, в трехместной камере, под присмотром психиатра, иногда жалуется, что в камере холодно.

«Родя, мы с тобой!» — пишут сегодня посетители на стене петербургской «каморки» Раскольниковова. Число почитателей норвежского и русского киллеров перевалило уже за многие тысячи. В Дании, Швеции и Нидерландах были поставлены три пьесы по мотивам манифеста Брейвика. В Германии премьерный показ прошел в Веймарском национальном театре, его речь на судебном процессе была переведена на немецкий язык и вставлена в спектакль. Постановка пьес везде была сочтена оскорбительной и вызвала негодование среди родственников жертв, но к ним не прислушались... В очередь на интервью к террористу выстроились солидные издания Америки, Европы и России, и он сам отбирает себе собеседников.

Как видим, герой романа «Преступление и наказание» архетипичен и обладает собственной мощной энергетикой. Он архетипичен и в преступлении, и в наказании, и в *нераскаяхнии*, и в том, насколько заразителен его пример, и в том, как опасно его героизировать. Как архетип он содержит символы, положенные в основу культуры и переходящие из поколения в поколение. Самый главный из них можно найти у М. А. Булгакова в «Собачьем сердце»: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено». Вот и Порфирий Петрович говорит об истории Раскольниковова: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с» (6; 348). Таким оно было прежде, таким оно остается и сегодня.

Литература

Виноградов Д. Манифест (2012). URL: <http://maxpark.com/community/129/content/1648419>

Дугин А. Г. Достоевский и метафизика Петербурга. URL: <http://www.russia3.ru/ideolog/nashi/dostoev>

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 2. М., 1997.

